

Эпистолярный диалог М. Цветаевой и Р.М. Рильке
как взаимное эмоциональное воздействие
и как творческая предыстория
поэмы М. Цветаевой «Новогоднее»

Виолетта М. Хаимова

*Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия;*

*Московская международная академия, Москва, Россия,
vm@inyaz-mil.ru*

Аннотация. Статья посвящена эпистолярному диалогу М. Цветаевой и Р.М. Рильке 1926 г., в котором отразилось эмоциональное воздействие поэтов друг на друга, родственность мироощущения, созвучие в мыслях и образах. Он важен также и как творческая лаборатория, в которой вырезают те образы понятий «поэт» и «поэтический язык», которые отразятся в поэме Цветаевой «Новогоднее».

Ключевые слова: М. Цветаева, Р.М. Рильке, эпистолярный диалог, эмоциональное воздействие, поэт, поэтический язык

Для цитирования: Хаимова В.М. Эпистолярный диалог М. Цветаевой и Р.М. Рильке как взаимное эмоциональное воздействие и как творческая предыстория поэмы М. Цветаевой «Новогоднее» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 12. С. 183–195. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-183-195

The epistolary dialogue
between M. Tsvetaeva and R.M. Rilke
as a mutual emotional impact and as a creative prehistory
to M. Tsvetaeva's poem "Novogodnee"

Violetta M. Khaimova

Russian State University for the Humanities,

Moscow International Academy, Moscow, Russia, vm@inyaz-mil.ru

Abstract. The article deals with the epistolary dialogue between Tsvetaeva and Rilke which took place in 1926 and reflected an emotional impact of the poets on each other, harmony of their thoughts and images. The dialogue was

also important as a creative laboratory where the images of the concepts of “poet” and “poetic language” could mature and be reflected in Tsvetaeva’s poem “Novogodnee”.

Keywords: M. Tsvetaeva, R.M. Rilke, epistolary dialogue, emotional impact, poet, poetic language

For citation: Khaimova, V.M. (2024), “The epistolary dialogue between M. Tsvetaeva and R.M. Rilke as a mutual emotional impact and as a creative prehistory to M. Tsvetaeva’s poem ‘Novogodnee’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 12, pp. 183–195, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-12-183-195

Целью исследования является выявить особенности диалога в письмах между М. Цветаевой и Р.М. Рильке как формы самовыражения поэтов и их взаимного эмоционального воздействия, а также пути совместного поиска ключевых образов и понятий поэзии. В анализе материал текстов писем дополняется последним актом переписки – поэмой «Новогоднее», написанной после кончины Р.М. Рильке, которая стала не только органичным продолжением переписки, но и конечным ее аккордом.

Переписка Р.М. Рильке и М. Цветаевой является частью переписки Р.М. Рильке, Б. Пастернака и М. Цветаевой, которая началась в 1926 г. 10 писем Цветаевой к Рильке и еще одно, «посмертное», были открыты в начале 1977 г. (Цветаева наложила 50-летний запрет на их публикацию). Письма написаны по-немецки. Они появились в печати в 1990 г. под ред. К. Азадовского¹. Вслед за тем было опубликовано дополненное издание писем².

М. Цветаева обязана знакомству с Р.М. Рильке Б. Пастернаку, переписка с которым началась у нее летом 1922 г., когда Цветаева, уехав из России, жила в Берлине. Потрясенный цветаевскими стихами из сборника «Вёрсты» (М., 1922), Б. Пастернак пишет ей восторженное письмо. В свою очередь, Б. Пастернак заочно познакомился с Рильке через своего отца, Л.О. Пастернака, который был знаком с Рильке и поздравил его в декабре 1925 г. с 50-летием. В поздравительном письме Л.О. Пастернак упомянул

¹ Райнер Мария Рильке. Борис Пастернак. Марина Цветаева: Письма 1926 года / подгот. текстов, сост., предисл., пер., коммент. К.М. Азадовского, Е.В. Пастернак, Е.Б. Пастернака. М.: Книга, 1990. 255 с.

² Небесная арка: Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке / вступ. ст., сост., подгот. текстов, пер. и примеч. К.М. Азадовского. СПб.: Акрополь, 1992. 383 с., ил.

о своем сыне – горячем поклоннике поэзии Рильке, Рильке уже был знаком со стихами Б. Пастернака и лестно отозвался о них в ответном письме. Узнав об этом, Б. Пастернак 12 апреля 1926 г. пишет Р.М. Рильке единственное, столь же восторженное письмо, в котором говорит о Марине Цветаевой, поэте большого таланта, и сообщает ее парижский адрес в надежде, что через Цветаеву можно будет вести переписку, так как со Швейцарией, где в это время находился Рильке, у России сообщения не было³.

Активная переписка Цветаевой и Рильке продолжалась с 3 мая до 19 августа 1926 г. Рильке ответил не на все письма Цветаевой (без ответа остались письма от 22 августа и от 7 ноября). К. Азадовский в комментариях отметил, что причиной могла стать «цветаевская безудержность и чрезмерность, ее нежелание считаться с обстоятельствами и условностями, стремление быть для Рильке “единственной Россией...”» [Азадовский 1992, с. 32]. Возможно, это связано с тем, что, хотя Рильке в письме от 10 мая дает Цветаевой понять о своем нездоровье: «...я и сам теперь с ним (т. е. с человеком-Рильке. – В. Х.) в разладе, с его телом...» [Азадовский 1992, с. 59], Цветаева, скорее всего, не осознавала серьезность этого «разлада». Рильке скончался 29 декабря 1926 г.

К. Азадовский назвал письма Цветаевой к Рильке «явлением особого рода». «К ним не приложимо традиционное наименование “эпистолярная проза”». Они являют собой «необычный и нетрадиционный жанр, который правильнее назвать эпистолярной лирикой» [Азадовский 1992, с. 31]. Переписку Цветаевой и Рильке, ее стиль и характер К. Азадовский именует «эпистолярным диалогом» [Азадовский 1992]. Мы также будем называть эту переписку эпистолярным диалогом.

Диалог – одна из форм речевой коммуникации – восходит к греческому *dialogos* («беседа, разговор двоих или более лиц; буквально – речь через»). По мысли Л.В. Щербы, «подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге»⁴. Участники диалога вступают в общение, в результате чего возникает «сотворчество понимания» [Бахтин 1979, с. 346]. Речевое взаимодействие «предполагает рассмотрение языковых фактов в структуре общения, понимаемого как взаимодействие, воздействие, сообщение и самовыражение»⁵. В случае с эпистолярным диалогом можно отметить, что в письмах,

³ Райнер Мария Рильке. Борис Пастернак. Марина Цветаева: Письма 1926 года...

⁴ Щерба Л.В. Восточно-лужицкое наречие. СПб., 1915. Т. 1. С. 3.

⁵ Федорова Л.Л. Теория речевой коммуникации и грамматика диалога // Коммуникативные стратегии культуры и гуманитарные технологии:

вероятно, заложен некий порождающий мысли, чувства, образы механизм, который черпает свою силу в потребности передать эмоцию, мысль. Диалог в переписке поэтов становится главным механизмом смысло- и текстопорождения. Потенциал письма возрастает, когда пера касаются такие крупнейшие лирические поэты XX в., как Рильке и Цветаева.

В первом же своем письме, от 3 мая, Рильке присылает Цветаевой «Дуинские элегии» и «Сонеты к Орфею». «Элегии» сопровождаются стихами:

Касаемся друг друга. Чем? Крылами.
Издаю свое ведем родство.
Поэт *один*. И тот, кто *нес* его,
Встречается с *несущим* временами⁶.

В этих строках начинает звучать и далее получает развитие важнейшая для поэтов тема – поэтического начала и воплощения его в каждом отдельном поэте. Здесь «сокрыт, собственно, образ Всадника...»: «двуединство поэзии и “несущей” ее природы», по словам К. Азадовского [Азадовский 1992, с. 24]. Попробуем дать свое понимание: начало, несущее поэта, – сама поэтическая стихия, явленная всякий раз в поэте. Эти строки Рильке отсылают к единственному письму Б. Пастернака к Рильке, в котором Пастернак просит Рильке прислать «Дуинские элегии» М. Цветаевой. На свой же вопрос «зачем?» он отвечает: «Может быть, для поэта, который вечно составляет содержание поэзии и в разные времена именуется по-разному»⁷.

Цветаева в письме от 13 мая созвучна Рильке: «Райнер, Райнер, ты сказал мне это, не зная меня, как слепой (зрячий!) – наугад» (66).

И Рильке, и Цветаева испытали сильнейшее потрясение от «родственности голоса», о чем они пишут друг другу. Рильке в письме от 10 мая, отвечая на письмо Цветаевой от 9–10 мая⁸, пишет:

Научно-методические материалы / В.И. Тюпа и др. СПб.: ООО «Книжный дом», 2007. С. 105.

⁶ Небесная арка... С. 23. В дальнейшем ссылки приводятся в тексте по этому изданию с указанием в скобках страницы.

⁷ Письма 1926 года... С. 64.

⁸ См. комментарии К. Азадовского: «Датируя письмо 9–10 мая, т. е. днем предполагаемого получения его в Швейцарии, Цветаева как бы стремилась преодолеть отделяющее ее от Рильке пространство и время, всецело приблизиться к нему» [Азадовский 1992, с. 243–244].

«Что сказать: все мои слова (будто они уже присутствовали в твоём письме, как бы до выхода на сцену), все мои слова разом рвутся к тебе...» (58). В письмах поэты мыслят и чувствуют в унисон, они «вживаются», по выражению Рильке, в письма друг друга. В каждом письме – мощный импульс воздействия и взаимовлияния. Рильке: «Каждый раз, когда я пишу тебе, я хочу писать, как ты, *высказать себя по-твоему*, при помощи твоих невозмутимых и все же таких волнующих средств» (письмо от 28 июля) (96).

Для Цветаевой и Рильке пространство письма – это особое духовное пространство, где они обретают свой собственный голос, это пространство разреженное, оно как бы лишено материальности. В первом же письме Цветаевой творится образ-миф Рильке-духа: «Вы – воплощенная пятая стихия: сама поэзия», «Вы – то, из чего рождается поэзия», «Речь идет не о человеке-Рильке, а о духе Рильке, который еще больше поэта...» (52). Цветаева пытается определить явление Рильке, соотнеся его с современностью, но тут же раздвигает эти рамки: «Ваше имя не рифмуется с современностью, оно из прошлого или из будущего, *издалека*» (здесь и далее курсив М. Цветаевой. – В. Х), «Вы должны... охватить себя во всю даль и ширь» (52). Рильке в сознании Цветаевой обретает и пространственную выраженность: «Рильке – моему самому любимому на земле и *после* земли (*над* землей!)»⁹.

По мысли Цветаевой, поэт – это «человек сути вещей»¹⁰: «Вы возвращаете словам их *изначальный* смысл, вещам же – их *изначальные* слова (ценности)» (53). Цветаева характеризует Рильке «как чисто-человеческое (божественное явление)» (54). Рильке, таким образом, предстает в своей и человеческой, и поэтической сущности, и Цветаева пытается объединить их, и это граничит с драматизмом, так как этот конфликт присутствует и в себе самой: «телесное»–«духовное». Этот образ, выражающий нераздельность человеческого и поэтического, был явлен Рильке. Образ оказался созвучен и Цветаевой: «...и человека Рильке, который еще больше поэта... ибо он несет поэта (рыцарь и конь: ВСАДНИК), я люблю неотделимо от поэта» (письмо от 13 мая) (67).

В письме Рильке от 17 мая начинает звучать важнейшая «звездная» тема, которая получит развитие и в «Элегии для Марины», и в последующих письмах обоих поэтов, и в поэме «Новогоднее».

⁹ Строки Цветаевой на подаренной Рильке книге «Психея. Романтика» [Азадовский 1992, с. 248].

¹⁰ *Цветаева М.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы / сост., подгот. текста и коммент. А. Сакянц, Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. С. 296.

Важнейшей темой их эпистолярного диалога становится тема языка. В письме от 17 мая Рильке пишет о «затрудненности» ее немецкого, но одновременно отмечает, что Цветаевой удастся и в немецком языке выразить себя: «Какой ты обладаешь силой... что и в этом языке способна достигать своей цели, быть точной и оставаться собой. *Твоя* поступь, напоминающая о ступенях, твой голос, *Ты*. Твоя легкость, твоя спокойная, твоя щедрая тяжесть» (74).

При этом Рильке признается в «переоценке своих сил» относительно знания русского языка (прежде всего это касается книг Цветаевой), хотя здесь же отмечает, что русские письма он читает свободно. При этом Рильке делает важное замечание: «...и часто какое-нибудь из них видится мне в *таком* свете, при котором все языки – *один* язык (а этот, твой, русский, и без того очень близок ко *всеобщему*!) – не потому ли я и переоценил свои силы?...» (74). Важнейшую тему этого письма, тему «всеобщего» языка, Цветаева развивает в письме от 6 июля. Стараясь постичь упомянутый Рильке «один» язык, объединяющий поэтов, Цветаева неизбежно переосмысливает словосочетание «родной язык»: «Поэзия – уже перевод, с родного языка на чужой – будь то французский или немецкий – неважно. Для поэта нет родного языка. Писать стихи и значит перелагать» (92), – пишет она. Таким образом, «родной» несет двоякий смысл: общепринятый («Для поэта нет родного языка») и переосмысленный («Поэзия – уже перевод. С родного языка на чужой...»), т. е. контекст актуализирует значение «родного» языка как наиболее приближенного к поэтическому творческому началу. В связи с этим Цветаева пишет о «над-национальности» поэта: «Для того и становишься поэтом (если им вообще можно *стать*, если им не *являешься* отродясь!), чтобы не быть французом, русским, и т. д., чтобы быть – всем» (92), и понятие «родной язык» несет смысл вторичности, а «родной» означает «всеобщий»: «Ибо немецкий ближе всех к родному. Ближе русского, по-моему. Еще ближе» (93).

На письмо Рильке от 17 мая Цветаева ответила только 3 июня письмом о любви и об «отказе», ибо поняла письмо Рильке по-своему, как намек на желание одиночества, так необходимого для творчества. Отсюда мотив письма «не быть – Умереть!». Здесь звучит характерный для творчества Цветаевой мотив дробящей сущности жизни. Цветаева пишет, что «до жизни человек – *все* и *всегда*, живя жизнь он – *кое-что* и *теперь*» (76). Цветаева пишет, что любовь «раздробилась на дни и письма, часы и строки <...> Перемещение из Всегда в Теперь. Отсюда – терзание, счет дней, обесцененность каждого часа, час – лишь ступень к письму <...> Чего я от тебя хотела? Ничего. Скорее уж – возле тебя. Быть может, просто – к тебе.

Без письма – без тебя, с письмом – без тебя, с тобой – без тебя. В тебя. Не *быть* – Умереть! Такова я. Такова любовь – во времени. Неблагодарная, сама себя уничтожающая...» (77). «Не *быть* – в данном контексте может быть прочитано как «раствориться в любимом, обезличиться»¹¹.

В ответном письме от 8 июня Рильке присылает Цветаевой «Элегию для Марины», которая вписывает все явления в единое мирозданье, в котором «все смирено, все постоянно в космическом целом. И наша внезапная гибель / Святого числа не уменьшит. Мы падаем в первоисточник / И, в нем исцелясь, встаем (пер. З. Миркиной)» (86).

«Элегией», таким образом, Рильке отвечает Цветаевой на мотив «отказа», мотив «не быть – Умереть»: «Любящие – вне смерти» (87); мотив дробящей сущности жизни: «Там, в мировой сердцевине, там, где ты любишь, / Нет преходящих мгновений» (87).

Венчает «Элегию» мотив «полноты бытия», к которой «приведет лишь одиноко прочерченный путь», где «каждый восполниться должен сам, дорастая, как месяц ущербный, до полнолуния» (87).

Цветаева в письме от 14 июня цитирует слова и строки «Элегии» и в том числе пишет следующее: «И все равно это зовется лишь так: я люблю тебя» (91). В самой структуре – некая полемичность высказывания¹².

Вслед за письмом от 14 июня Цветаева пишет письмо от 6 июля, где развивает тему «всеобщего» языка. Письмо, полное эмоционального растворения в адресате! Письмо с многочисленными

¹¹ См. примеч. К. Азадовского: «За этими суждениями Цветаевой о любви как “самоуничтожении” в другом человеке кроется, с одной стороны, романтическое представление о тождественности любви и смерти, с другой – характерно цветаевское стремление отрешиться от “жизни”, уйти от “самой себя”, перевоплотиться – через любовь! – в “душу”, “не быть”... Впрочем, понятия “быть” и “не-быть” подвижны в рассуждениях Цветаевой, как “жизнь” и “смерть”, “бытие” и “небытие”. Так в “Повести о Сонечке” (1938) обыграно: “Сонечкино *любить* было – быть: *небыть* в другом: сбывсь...”» [Азадовский 1992, с. 265].

¹² См. примеч. К. Азадовского: «Эти слова – возражение Рильке, завершившего “Элегию” строчками о том, что полнота бытия (Vollsein) достижима лишь на путях одинокого существования. Такой же “одинокой”, по Рильке, должна быть и любовь – неразделенная, “интранзитивная”. Цветаева же, со своей стороны, утверждала (см. ее письмо к Рильке от 3 июня), что любовь – самоуничтожение, полное растворение себя в другом, “слияние душ”, возможное лишь вне “жизни”» [Азадовский 1992, с. 277].

отсылками к стихам Рильке и других поэтов. В ответном письме от 28 июля Рильке развивает мотив «звезды», который становится лейтмотивом письма: «Как отражение звезды твоя речь, Марина, когда оно появляется на поверхности воды и, искаженное, встревоженное водою, жизнью воды, струями ее ночи, ускользает и возникает снова, но уже на большей глубине, как бы сроднившись с этим зеркальным миром, и так после каждого исчезновения: все глубже в волнах! (Ты – большая звезда!)» (96). Звезда приобретает символическое звучание: «поэт, вознесенный к звездам! <...> Наконец-то “слава”! – превыше табличек с названием улицы» (97).

В ответ Цветаева шлет 2 августа страстное письмо, но «страстное» по-цветаевски: страсть в нем одухотворенная: «Я звук иной, чем страсть» (101). Цветаева пишет в нем о «совместном сне»¹³. 14 августа Цветаева пишет Рильке, не дождавшись ответа на письмо от 2 августа, которое он получил позже обычного. В письме – надежда на встречу – зимой, осенью или весной. Письмо Рильке от 19 августа – ответ на письмо Цветаевой от 2 августа.

Важнейшая тема письма – тема «гнезда» – ответ на «совместный сон» из письма Цветаевой. Рильке пишет: «Если я менее уверен в том, что нам дано соединиться друг с другом, стать словно два слоя, два нежно прилегающих пласта, две половинки одного гнезда (...как будет гнездо по-русски (забыл!), гнездо для сна, где обитает большая птица, хищная птица Духа... если я менее (чем ты) уверен... (быть может, из-за той необычной и неотступной тяжести, которую я испытываю...), так что я жду теперь не самих вещей, когда они ко мне просятся, а какой-то особенной и верной помощи от них, соизмеримой поддержки?»). В ответном письме от 22 августа Цветаева продолжает настаивать на встрече: «Райнер, вполне серьезно: если ты в самом деле, глазами, хочешь меня видеть, *ты* должен действовать <...> Теперь это в твоих руках. Можешь, если хочешь... разъять их. Я все равно буду любить тебя – ни больше, ни меньше» (198), и добавляет, что «Nest – по-русски – гнездó (в единственном числе – рифм не имеет). Множественное число: гнезда (с мягким е, ё, почти о – в произношении). Рифма: звезды» (109). Она в этом письме

¹³ См. примеч. К. Азадовского: «Такого же рода лирические излияния можно найти и в стихах, и в прозаических произведениях Цветаевой. См., например, заключительную строку ее стихотворения “Мировое началось во мгле кочевье...” (1917): “И мне хочется к тебе на грудь – спать” <...> Слово “спать” в этих откровенных признаниях выступает у Цветаевой как производное от романтически понятого “сна”, то есть не столько в значении “Schlaf” (состояние сна), сколько в значении “Traum” (сновидение)» [Азадовский 1992, с. 286].

находит очень точные слова для явления Рильке: «Я радуюсь тебе *так*, словно ты – целая и *всецело* новая страна» (109). Письмо остается без ответа. 7 ноября Цветаева отправляет открытку из Беллевию под Парижем: «Дорогой Райнер! Здесь я живу. – Ты меня еще любишь?» (111).

Рильке скончался 29 декабря 1926 г. Его смерть была полной неожиданностью для Цветаевой. 31 декабря она пишет Рильке «посмертное» письмо¹⁴. В нем она продолжает диалог с ним: «Год кончается твоей смертью? Конец? Начало! <...> Милый, раз ты умер – значит, нет никакой смерти (или никакой жизни!) <...> Райнер, а как же гнездо для сна? Ты ведь теперь знаешь по-русски и знаешь, что Nest – *гнездо*, и многое другое <...> Сегодня в полночь я чокнусь с тобой. (Ты ведь знаешь мой удар: совсем тихий!) <...> С Новым годом и прекрасным небесным пейзажем!» (113–114).

Важнейшей особенностью эпистолярного диалога является то, что, оборвавшись по причине смерти Рильке, он продолжается Цветаевой в ее поэме-письме «Новогоднее», которая теснейшим образом связана с перепиской поэтов еще и общностью поэтических образов. «Новогоднее» продолжает исповедальность писем, даже усиливает ее, делает предельной, ибо речь идет об утрате человеческой и духовной.

Поэма «Новогоднее» была дописана 7 февраля 1927 г. на сороковой день со дня ухода Рильке. В ее организации присутствуют все черты письма: «Цветаева заканчивает “Новогоднее” так же, как заканчиваются все письма – адресом и именем адресата»¹⁵. В письме к Е.А. Черносвитовой, секретарю Рильке в 1926 г., Цветаева также называет поэму «письмом»: «Ваше письмо застает меня в полном (и трудном) разгаре моего письма – к нему, невозможного, потому что нужно сказать все. Этим письмом с 31 декабря – *живу*... Это письмо, похоже, никогда не кончу, потому что когда “новости” изнутри... Еще останавливает меня его открытость (письма). Открытое письмо от меня – ему <...> Письмо, которое будут читать *все*, кроме него!» (117).

Поэма-письмо «Новогоднее» – уникальная поэтическая попытка Цветаевой последовать за духом Рильке по ту сторону бытия. В поэме отразились мотивы эпистолярного диалога, «Элегии для

¹⁴ См. примеч. К. Азадовского: «Это написанное по-немецки письмо Цветаева вложила в конверт с письмом к Б.Л. Пастернаку от 1 января 1927 г. Оригинальный текст не обнаружен» (294).

¹⁵ Бродский И. Об одном стихотворении // Бродский о Цветаевой: интервью, эссе. М.: Независимая газета, 1997. С. 77–155.

Марины», «посмертного» письма Цветаевой к Рильке. Поэму пронизывает и мироощущение Рильке с его идеей всеединства.

Стремление Цветаевой постичь явление смерти – и трудность этого постижения – выразилось в усложненных синтаксических конструкциях.

В «Новогоднем» Цветаева продолжает развивать важнейшую тему писем – тему «всеобщего» языка. Цветаева создает образ «все-язычности», который соприроден «всеобщности» языка Рильке. Далее Цветаева выстраивает некую иерархию, когда пишет об «ангельском»: «(пусть русского родней немецкий / Мне, – всех ангельский родней!)» (127), т. е. «ангельский» лишен языковых различий и в наибольшей степени способен выразить сокровенное душевное состояние. Он, таким образом, становится синонимичен «родному» в расширительном значении.

Цветаева в «Новогоднем» поэтически «достраивает» образ поэта Рильке, который только после смерти обретает свою абсолютную законченность. Тема целостности, волновавшая Рильке в жизни и в творчестве и отразившаяся в переписке поэтов, продолжает развитие в поэме и становится одной из важнейших. Тема целостности, до воплощения смыкается с темой «того света», также отраженной в диалоге. «Тот свет» получает в контексте поэмы иное значение. Это пространство духа, где осуществляется иное бытие. «Тот свет» – необходимое условие до воплощения, слияния со своей изначальной сущностью: «Настоятельно, всенепременно / Первое видение вселенной / (Подразумевается поэта / В оной) и последнее – планеты, / Раз только тебе и данной в – целом! / Не поэта с прахом, духа с телом / (Обособить – оскорбить обоих) / А тебя – с тобой, / тебя – с тобою ж, / Быть Зевесовым не значит – лучшим – / Кастора – тебя с тобой – Поллуксом, / Мрамора – тебя с тобою – травкой, / Не разлуку и не встречу – ставку / Очну: и встречу и разлуку / Первую» (128)¹⁶.

Цветаева пытается осознать это мыслимое потустороннее пространство и обитание в нем Рильке-духа. Она определяет это

¹⁶ См. примеч. К. Азадовского: «Кастор и Поллукс (Полидевк) – в античной мифологии неразлучные братья, сыновья Леды. По смерти Кастора Поллукс, сын Зевса, поделился с братом своим бессмертием, после чего они поочередно пребывают: один на Олимпе, другой – в Аиде. Цветаева использует этот образ как символ неразделенности смерти и бессмертия, реального и идеального. Согласно Цветаевой, умерший и живой Рильке, его тело и дух столь же двуедины, как Кастор и Поллукс, как надгробный мрамор и могильная трава, как разлука и встреча, как небывшее и бывшее» [Азадовский 1992, с. 311].

пространство как «третье» – не жизнь и не смерть. Тема бессмертия утверждается ею самим стихом, его рифмами: «Что мне делать в новогоднем шуме / С этой внутреннею рифмой: Райнер умер. / Если ты, такое око смерклось, / Значит, жизнь не жизнь есть, смерть не смерть есть. / Значит – тмится, допойму при встрече! – Нет ни жизни, нет ни смерти, – третье, / Новое» (129).

В своем исследовании И. Шевеленко отмечает: «Существование некой целостности, объемлющей, включающей в себя разъединенные и противопоставленные земным сознанием понятия жизни и смерти, выводится Цветаевой из онтологии поэтического языка, которому дано открывать “третье, новое”, воссоединяя слова в рифменном созвучии» [Шевеленко 2002, с. 345]. Цветаева начинает рифмовать имя Рильке со все большим количеством слов: «С незастроеннейшей из окраин – / С новым местом, Райнер, светом, Райнер! / С доказуемости мысом крайним – С новым оком, Райнер, слухом, Райнер!» (130), таким образом расширяя присутствие Рильке в мыслимом пространстве: «С новым звуком, Эхо! / С новым эхом, Звук!» (130).

Смерть как явление переосмысливается: оно обозначается уже не многоточием, а «целым рядом новых рифм», «значений и созвучий новых» (131).

Заключительные строки поэмы: «В небе Лестница, по ней с Дарами...¹⁷ / С новым рукоположеньем, Райнер!» (131) окончательно утверждают Рильке в мыслимом духовном пространстве: бессмертии.

Итак, проведенный анализ эпистолярного диалога между Цветаевой и Рильке 1926 г., включающего и «Элегию для Марины» Рильке, и «посмертное» письмо Цветаевой, выявил его исповедальность, эмоциональное воздействие поэтов друг на друга, чуткость к образам, мотивам их поэзии, которые развиваются от письма к письму. Поэты пытаются определить суть таких понятий, как «поэтический язык», «поэт».

На наш взгляд, значимость эпистолярного диалога выразилась в одном из писем, где Цветаева говорит об особенностях своего творчества: «Глубоко погрузить в себя и через много дней или лет – однажды – внезапно – возратить фонтаном, перестрадав, просветлев: глубь, ставшая высью» (89). «Глубью, ставшей высью» явилась поэма «Новогоднее», которая является неотъемлемым звеном эпистолярного диалога: оборвавшись по причине

¹⁷ «Дары – то есть хлеб, вино, свечи и т. п., приготовляемые особым образом для богослужения, приносятся мирянами в церковь на сорокодневное поминовение усопшего (сорокоустие)» [Азадовский 1992, с. 313].

смерти Рильке, диалог продолжается Цветаевой в поэме-письме «Новогоднее», адресат которого – дух Рильке. В поэме получают поэтическое воплощение такие мотивы переписки, как мотив «всеобщего языка», целостности, довыполненности, жизни и смерти, «того света», гнезда и звезд. В поэме-письме «Новогоднее» Цветаева поэтически «достраивает» образ поэта Рильке, который только после смерти обретает свою абсолютную законченность. По мысли И. Бродского: «Помимо конкретного, умершего Рильке, в стихотворении (т. е. в «Новогоднем». – В. Х.) возникает образ (или идея) “абсолютного Рильке”, переставшего быть телом в пространстве, ставшего душой – в вечности»¹⁸.

Литература

- Азадовский 1992 – Азадовский К.М. Орфей и Психея // Небесная арка: Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке / вступ. ст., сост., подгот. текстов, пер. и примеч. К.М. Азадовского. СПб.: Акрополь, 1992. 383 с.
- Бахтин 1979 – Бахтин М.М. Из записей 1970–1971 гг. // Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. С. 361–370.
- Шевеленко 2002 – Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой: Идеология – поэтика – идентичность автора в контексте эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 464 с.

References

- Azadovskii, K. (1992), “Orpheus and Psyche”, in Azadovskii, K., ed., *Nebesnaya arka: Marina Tsvetaeva i Rainer Maria Ril'ke* [Heavenly arch. Marina Tsvetaeva and Rainer Maria Rilke], Akropol', Saint Petersburg, Russia.
- Bakhtin, M. (1979), “From the recordings of 1970–1971”, in *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creative work], Iskusstvo, Moscow, USSR, pp. 361–370.
- Shevelenko, I. (2002), *Literaturnyi put' Tsvetaevoi: Ideologiya – poetika – identichnost' avtora v kontekste epokhi* [Tsvetaeva's literary path. Ideology – poetics – author's identity in the context of the era], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

¹⁸ Бродский И. Указ. соч. С. 85–86.

Информация об авторе

Виолетта М. Хаимова, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6;

Московская международная академия, Москва, Россия; 129075, Москва, ул. Новомосковская, д. 15А, стр. 1; vm@inyaz-mil.ru

Information about the author

Violetta M. Khaimova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Moscow International Academy, Moscow, Russia; bldg. 15A, bld. 1, Novomoskovskaya St., Moscow, Russia, 129075; vm@inyaz-mil.ru